

Лебедянь.
С акварели Бориса Кустодиева. 1926 год.
Вспоминая детство, Замятин писал: «Вы увидите очень одинокого, без сверстников, ребенка на диване, животом вниз, над книгой — или под роялью, а на рояле мать играет Шопена — и уездное — окна с геранями, посреди улицы поросенок привязан к колышку и трепыхаются куры в пыли. Если хотите географии — вот она: Лебедянь, самая разрусская-тамбовская, о которой писали Толстой и Тургенев...»

Lebedian. From a watercolour by Boris Kustodiev. 1926.

Recalling his childhood, Zamiatin wrote: "You will see a very lonely child, without others of the same age, lying stomach down on a sofa poring over a book or under the grand piano on which his mother is playing Chopin and a district centre — windows with geraniums, in the middle of the street a piglet tied to a peg and chickens fluttering in the dust. If you want the geography, here it is: Lebedian, the essence of Russia and Tambov province, written about by Tolstoy and Turgenyev..."

«кривые» жизни Евгения Замятина

Татьяна КУКУШКИНА / by Tatyana KUKUSHKINA

the "twists and turns" of Yevgeny Zamiatin's life

Жутким, веселым январем 1918 года литературная молодежь Петрограда спешила в нетопленные залы елисеевского особняка, чтобы послушать в Доме Искусств лекции Евгения Замятина о художественной прозе. Начинающие писатели с нетерпением ждали встречи с «современным Гоголем». И вот перед собравшейся толпой появился широколицый, одетый с иголки и с пробором на английский манер фросмейстер литературы. С видом полного безразличия к происходящему, который умеют напускать на себя британцы, мэтр потянул из табачной трубки дым и заговорил:

– Сразу же хочу отречься от вывешенного заглавия моего курса. Научить писать рассказы и повести нельзя.

– Чем же мы будем тогда заниматься? – с недоумением поинтересовались слушатели.

– Есть большое искусство и малое, есть художественное творчество и художественное ремесло...

Бетховен, чтобы написать «Лунную сонату», должен был сперва узнать законы мелодий, гармоний, контрапункций, а Байрон, чтобы написать

«Чайльд Гарольда», должен был изучить технику стихосложения...

In the dreadful, jolly January of 1918 the literary youth of Petrograd hurried to the unheated halls of the Eliseevs' mansion to listen to the lectures Yevgeny Zamiatin was giving on prose fiction in the House of the Arts. The novice writers were really looking forward to their meeting with "the present-day Gogol". Then he appeared to the assembled crowd, the broad-faced grand master of literature, impeccably dressed with his hair parted in the English manner. Sporting that air of complete indifference to what is taking place that the British are able to assume, the maestro, puffed on his pipe and spoke:

"I immediately want to renounce the advertised title of my course. It's impossible to teach how to write short stories."

"What are we going to be doing then?" the audience enquired in confusion.

"There is great art and small; there is artistic creativity and artistic craft... Beethoven, in order to write the Moonlight Sonata had first to find out the laws of melody, harmony, counterpoint, while Byron, in order to write Childe Harold had to study the technique of versification.

Выпускник Санкт-Петербургского политехнического института, ведущий инженер-кораблестроитель, сам Евгений Замятин владел техникой художественной прозы в совершенстве. Но всем своим творчеством пытался предостеречь против абсолютизации жестко выверенных планов и точных математических схем. В романе «Мы» он нарисовал модель тоталитарного, механистического Единого Государства, в котором человек превращается в безликий «номер». Люди «номера» живут с единым для всех расписанием приема пищи, дней покаяния, занятий благотворительностью и Табелем сексуальных дней. А за Зеленой Стеной, окружающей Единое Государство, — бурный, многоликий и непокорный мир.

Разрушительную силу Единого Государства Замятину пришлось испытать на себе. Репутация бунтаря, еретика, «внутреннего эмигранта» за ним утвердилась сразу после установления Советской власти. Хотя в юности, по собственному признанию писателя, он был страстно влюблен в «огнеглазую любовницу» — революцию. В 1905 году его даже арестовывали за большевистскую агитацию и после нескольких месяцев заключения в одиночке выслали из Петербурга в родную Лебедянь. «В те годы быть большевиком — значило идти по линии наибольшего сопротивления; и я был тогда большевиком», — признавался он в автобиографии.

34

Yevgeny Zamiatin, a graduate of the St Petersburg Polytechnical Institute and senior shipbuilding engineer, himself had a perfect command of the technique of prose fiction. But in all his work he sought to warn against absolutizing strictly regulated plans and precise mathematical schemes. In his novel *We*, he drew a model of the totalitarian mechanical Single State, in which the human being is turned into a depersonalized “number”. These human “numbers” live according to one common timetable for meal times, repentance days and charitable exercises and a rota of sexual days. But beyond the Green Wall, enclosing the Single State, there is an exuberant, motley, unruly world.

Zamiatin was obliged to experience the destructive power of the Single State in person. A reputation as a rebel, a heretic, an “internal émigré” attached itself to him immediately after the establishment of Soviet power, despite the fact that in his youth the writer had, by his own admittance, been passionately in love with that “fiery-eyed mistress” — revolution. In 1905 he was even arrested for Bolshevik agitation. “At that

О Февральской революции Замятин узнал в Англии, где проектировал для русского флота ледоколы «Святой Александр Невский» и «Святогор» — будущие «Ленин» и «Красин». Писатель-инженер шутил, что кораблестроение и литература были двумя его «женами», хотя шутка эта вряд ли нравилась его законной супруге и незаменимой помощнице — Людмиле Николаевне.

В сентябре 1917 года Замятин поспешил в Россию, так как в Англии «стало невмочь». Однако совсем скоро он разочаровался в новой власти, а точнее, осознал стремление большевиков нивелировать личность и поставить под тотальный контроль литературный процесс. «Вчера был царь и были рабы, сегодня — нет царя, но остались рабы...» — записал он в 1919 году. Бесстрашный правдолюбец, Замятин призывал интеллигенцию «на защиту человека и человечности», чем навлек на себя немилость обласканных властью литературных критиков. Его произведения стали называть «паксильными и контрреволюционными», а самого писателя — «белогвардействующим». Поэт Сергей Городецкий заявлял, что автор романа «Мы» внушает ученикам «свою квель и плесень идеологическую». Замятин на эти обвинения отвечал: «Собачки, которые “служат” в расчете на кусочек жареного или из боязни хлыста, революции не нужны; не нужны

time being a Bolshevik meant following the line of greatest resistance; and I was then a Bolshevik,” he confessed in his autobiography.

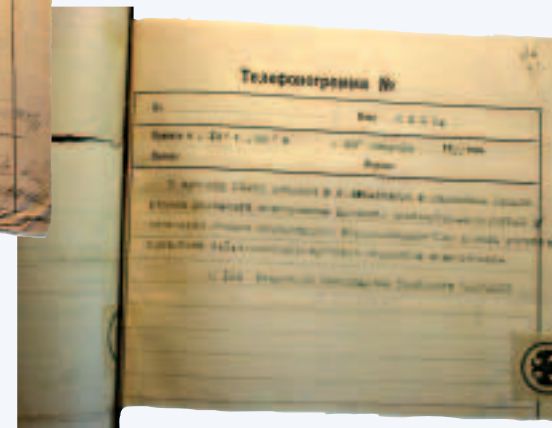
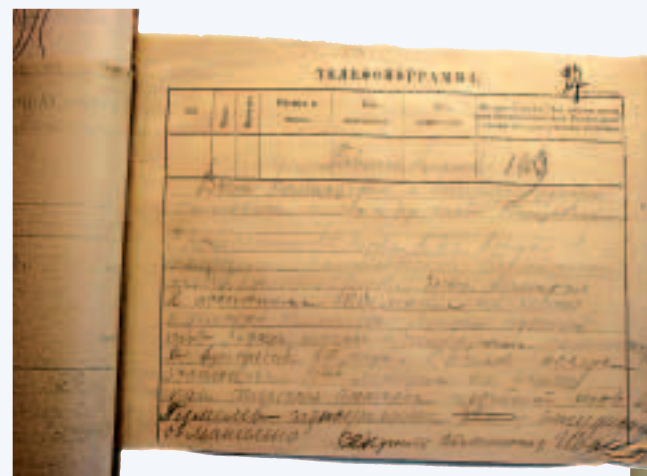
Zamiatin found out about the February Revolution in England, where he was designing for the Russian navy the ice-breakers *St Alexander Nevsky* and *Sviatogor* — the future *Lenin* and *Krasin*.

In September 1917 Zamiatin hurried back to Russia. But he very quickly became disillusioned with the new authorities, more precisely with the Bolsheviks’ efforts to steamroller individuality and to put the literary process under totalitarian control. “Yesterday there was a tsar and there were slaves; today there is no tsar, but the slaves remain,” he wrote in 1919. A fearless champion of truth, Zamiatin called on the intelligentsia “to defend the human being and humanity”, thus incurring the disfavour of the new rulers.

In August 1922 a wave of arrests of dissident intellectuals — philosophers, economists, writers and doctors — swept through Moscow, Petrograd and Kiev. The aim of the action was to permanently send ideological

Портрет Евгения Замятина. Рисунок Бориса Кустодиева. 1923 год.
Portrait of Yevgeny Zamiatin. Drawing by Boris Kustodiev. 1923.

Телефограммы политотдела Балтфлота, извещающие слушателей литературной студии о лекциях Горького, Гумилева и Замятина.

A circular from the political department of the Baltic Fleet informing students of the literary studio of lectures by Gorky, Gumilev and Zamiatin.

35

Фотография с портрета Евгения Замятина работы Николая Радлова. 1928 год.
Photograph of the portrait of Yevgeny Zamiatin by Nikolai Radlov. 1928.

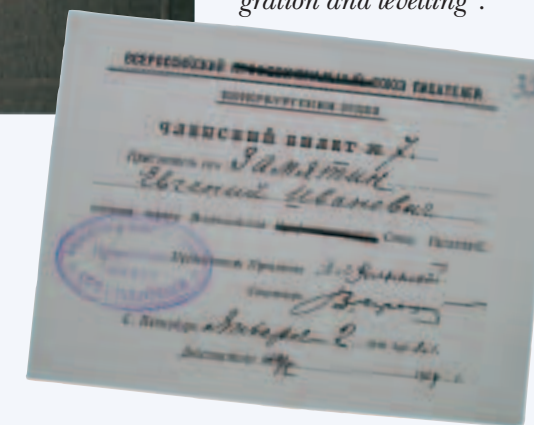

Фотопортрет Евгения Замятина и его членский билет Союза писателей. На обороте фотографии есть дарственная надпись секретарю редакционной коллегии издательства «Всемирная литература» Вере Сутугиной-Кюннер: «Дорогой Виве от вечно, котлетно благодарного Евг. Замятина. 21.4. 1925».

A photographic portrait of Yevgeny Zamiatin and his Writers' Union membership card. On the back of the photograph is a dedication to Vera Sutugina-Kühner, the secretary of the editorial board of the *World Literature* publishing house: “To dear Viva, from an eternally, rissolately grateful Yevg. Zamiatin. 21.4.1925.”

В марте 1916 года Замятин уехал в Англию курировать строительство судов для России. Узнав о революции, он поспешил на родину. Последствия большевистского переворота отразились в творчестве писателя мрачными мотивами и призывами к спасению человеческой личности от «распада и нивелирования».

In March 1916 Zamiatin went to England to supervise the building of ships for Russia. When he learnt of the revolution, he hurried back to his homeland. The consequences of the Bolshevik seizure of power found reflection in the writer's work in gloomy motifs and calls to save human individuality from “disintegration and levelling”.

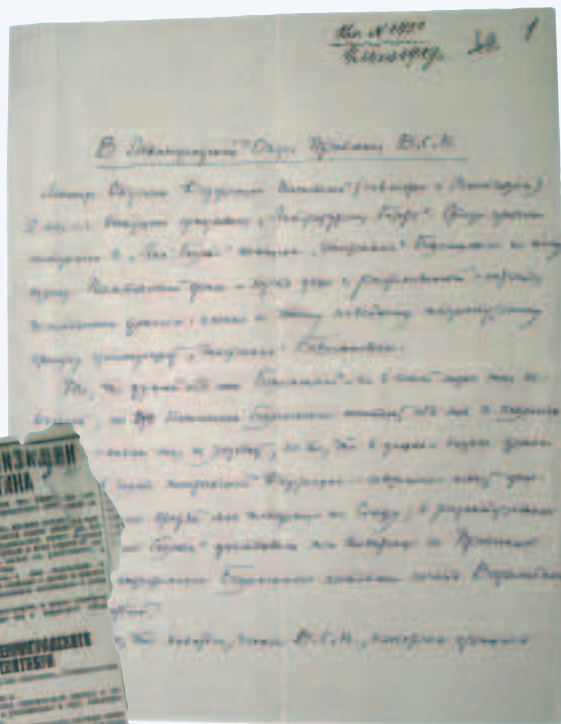
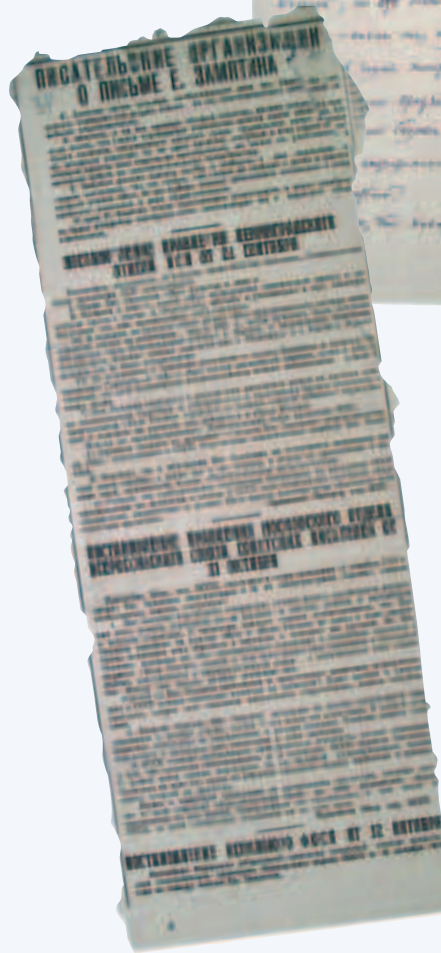
и дрессировщики таких собачек. Нужны писатели, которые ничего не боятся».

В августе 1922 года по Москве, Петрограду и Киеву прокатилась волна арестов инакомыслящей интеллигенции — философов, экономистов, писателей, врачей. Цель акции — бессрочная высылка идейных противников из страны. «Чистить надо быстро, не позже конца процесса эсеров», — инструктировал Сталина Ленин. В списке на высылку из более полутора сотен имен значился и Евгений Замятин. В ночь с 16 на 17 августа его арестовали. Писателя уже задерживали в феврале девятнадцатого вместе с Блоком и Ивановым-Разумником по делу «левых эсеров», но тогда обошлось без последствий. Теперь же предъявленные обвинения звучали слишком серьезно: «Замятин... с момента октябрьского переворота и до настоящего времени не только не примирился с существующей в России Рабоче-Крестьянской Властью, но ни на один момент не прекращал своей антисоветской деятельности, причем в моменты внешних затруднений для РСФСР свою контрреволюционную деятельность усиливал».

Писатель отказался подписать обвинение, заявив, что все непримирившиеся уехали за границу, а он остался работать в Советской России. Об освобождении смельчака стали хлопотать друзья. В деле сохранились ходатайства из издательства «Всемирная литература», где вместе

opponents out of the country. Among the over 150 names on the list for banishment was Yevgeny Zamyatin's. The accusations levelled at him sounded serious: "Zamyatin ... from the moment of the October coup to the present moment has not only not reconciled himself to the existence of Workers' and Peasants' Power in Russia, but has never for one moment ceased his anti-Soviet activities, and in moments of external difficulty for the RSFSR he intensified his counter-revolutionary activities."

The writer refused to sign the charge, declaring that all the unreconciled had gone abroad, he had remained to work in Soviet Russia. Friends began to solicit the release of this bold spirit. The file still contains appeals from the *World Literature* publishing house, in which Zamyatin headed the Anglo-American section together with Chukovsky, the Polytechnical Institute, where he lectured on shipbuilding, and the Writers' Union, of which he was on the board. But the main role in deciding the writer's fate was played by Boris Pilniak, who had patrons in the Kremlin, and the influential critic Alexander Voronsky, who

Заявление Замятина Правлению Союза писателей в связи с изданием за границей его романа «Мы» и вырезка из «Литературной газеты» за октябрь 1929 года с публикацией постановлений писательских организаций Ленинграда и Москвы, резко осудивших Замятина. Антиутопией «Мы» он предвосхитил Олдоса Хаксли, Джорджа Оруэлла и Рея Брэдбери.

Zamyatin's statement to the board of the Writers' Union following the publication abroad of his novel *We* and a cutting from the *Literaturnaya gazeta* of October 1929 that featured resolutions from writers' organizations in Leningrad and Moscow sharply condemning Zamyatin. With the anti-utopia *We* he anticipated Aldous Huxley, George Orwell and Ray Bradbury.

Официальная советская критика клеймила его, называя «противником революции и представителем реакционных идей, проповедующим мещанский покой и тихую жизнь как идеал бытия». Опальный писатель решил на время покинуть СССР, что удалось ему только в 1931 году после обращения к Сталину при содействии Максима Горького.

Official Soviet criticism stigmatized him as "an opponent of the revolution and representative of reactionary ideas, preaching petit bourgeois ease and a quiet life as the ideal of existence". The disgraced writer decided to leave the USSR for a time, which he managed to do only in 1931 following an appeal to Stalin with the support of Maxim Gorky.

с Чуковским Замятин заведовал англо-американской секцией, из Политехнического института, где он читал лекции по кораблестроению, и из Союза писателей, в Правление которого он входил. «Серапионы» ездили в Москву к Каменеву — председатель Моссовета пообещал освободить Замятина, если они согласятся печататься в «Красной нови». Но главное участие в судьбе литератора приняли Борис Пильняк, имевший покровителей в Кремле, и влиятельный критик Александр Воронский, просивший за Замятина у самого Дзержинского.

— Неужели Замятин сидит? — изумился «железный» Феликс. — Я немедленно протелеграфирую, чтоб его отпустили.

Из Москвы в Петроград 17 августа пришла телеграмма, подписанная начальником Особого отдела ГПУ Генрихом Ягодой: «Если вами арестован Замятин Е. И., то освободите, сославшись на недоразумение». Но на следующий день петроградские чекисты получили «молнию» за подписью заместителя председателя ГПУ Иосифа Уншлихта: «Телефонограмма об освобождении Е. И. ЗАМЯТИНА... аннулируется».

В итоге с неудобного автора взяли расписку о его согласии в двухнедельный срок уехать в Германию на свои средства. Для Замятина этот приговор был равнозначен расстрелу.

spoke to Derzhinsky himself on Zamiatin's behalf.

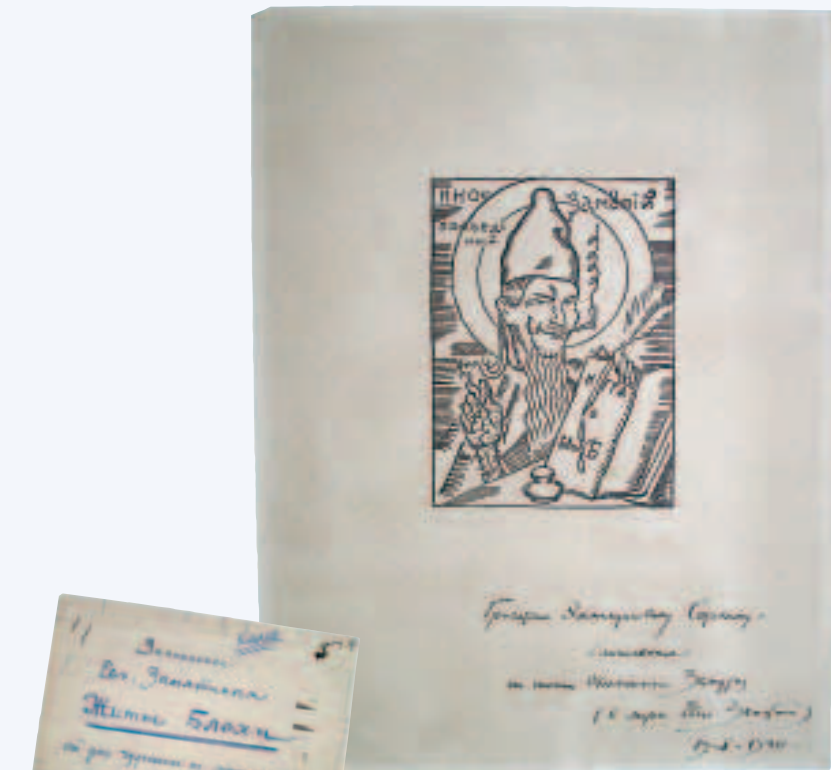
"Is Zamiatin really behind bars?" "Iron Felix" asked with amazement. "I'll telegraph immediately to have him released."

As a result the awkward author was made to give a written undertaking to leave for Germany at his own expense within two weeks. For Zamiatin this outcome was on a par with the firing squad.

"A writer can live and work abroad only temporarily, while his impressions of his homeland still live," he told the investigator. "Then he has inevitably to touch its earth again and draw strength from it."

The commission reviewing the list of the intelligentsia to be banished decided to defer his expulsion "until the receipt of specific orders". On 7 September, however, Yagoda again signed a paper stating that Zamiatin's departure abroad "meets with no obstacles as far as the GPU is concerned." 11 October was appointed as the day he should leave. Subsequently Zamiatin was repeatedly ordered to leave and permitted to stay by turns.

In December 1922 the Zamiatin issue was

Пародийный портрет Замятина работы Кустодиева. 1926 год.

Портрет выполнен для шуточной миниатюры Замятина «Житие Блохи», сочиненной для дружеского литературного вечера.

Слева. Проект титульного листа «Жития Блохи».

A parody portrait of Zamiatin by Kustodiyev. 1926. The portrait was produced for Zamiatin's humorous miniature *The Life of a Flea* written for a friendly literary soiree.

Left. Design for the title page of *The Life of a Flea*.

Портрет Евгения Замятина. Рисунок Бориса Кустодиева. 1926 год.

Справа. Дружеский шарж Николая Радлова.

Portrait of Yevgeny Zamiatin. Drawn by Boris Kustodiyev. 1926.

Right. A friendly caricature of Nikolai Radlov.

Члены коллегии издательства «Всемирная литература». Стоят: А. Смирнов, В. Алексеев, Н. Лернер, Б. Владимирцев; сидят: М. Лозинский, А. Тихонов (Серебров), А. Волинский, И. Крачковский, С. Ольденбург, Е. Замятин; сидят, внизу: К. Чуковский и секретарь коллегии В. Сутугина-Кюнер. 1922 год.

Members of the *World Literature* publishing house board. Standing: A. Smirnov, V. Alexeyev, N. Lerner, V. Vladimirtsev; seated: M. Lozinsky, A. Tikhonov (Serebrov), A. Volynsky, I. Krachkovsky, S. Oldenburg, Ye. Zamiatin; seated below: K. Chukovsky and the board's secretary Vera Sutugina-Kühner. 1922.

— Писатель может жить и творить за границей временно, пока у него еще живут впечатления от Родины, — заявил он следователю. — А затем ему неминуемо надо снова прикоснуться к земле и набраться от нее сил.

Комиссия по пересмотру списка высылаемой интеллигенции постановила отсрочить высылку писателя «до особого распоряжения». Но 7 сентября Ягода

settled by the Politburo of the Communist Party, who decided to be rid of the offending writer without delay. On 17 January he and Liudmila Nikolayevna were handed passports and ordered to leave the country within a week. Still Zamiatin dragged out time. He twice requested a delay until the start of the navigation season, as the sea route was safer for his consumptive wife and also cheaper. The Petrograd GPU was rigid on the matter: "Must leave on 6 February." But that very day permission came from the Lubianka to postpone the journey for two months. The GPU turned down a second request for a deferment, since "Citizen Zamiatin's anti-Soviet activities have been established, we cannot be certain that he will not use a postponement of his departure from the RSFSR for his present detrimental activities and the preparation of more." On 16 April the Lubianka again gave permission for him to delay departure until the shipping lanes opened.

All this time Zamiatin continued to work in the *World Literature* publishing house. The authorities tried to isolate him from the literary community, demanding that the

снова подписывает справку, что к выезду Замятина за границу «препятствий со стороны ГПУ не встречается». Выезд намечается на 11 октября. В дальнейшем Замятину то предписывали выехать, то разрешали остаться. В декабре 1922 года вопрос об отъезде Замятина решило руководство большевистской партии, принявшее постановление о срочной высылке неугодного писателя. Ему и

"slanderer" be excluded from the Writers' Union. Yet not only did Zamiatin remain in the organization, he was even re-elected to the board in the spring of 1923. Meanwhile the messages coming from Moscow were still contradictory. "Everything seems to suggest (at the moment) that we will have to leave," Zamiatin wrote to his wife. "I no longer care. I am fed up with everything here. I'm cramped. It's time for something new."

On 8 August 1924 the writer's case was closed with him being given a deferment for seven years. His plays were being successfully performed on the stage. Together with Tikhonov, Chukovsky and Efros he brought out the periodical *Russky sovremennik*. In early 1929 he published his collected works and even headed the Leningrad branch of the Writers' Union for a time. But this lover of truth failed to heed the warning he had been given. *Russky sovremennik* was regarded with disapproval in official circles: "It reeks of tsarism a mile off! It's not for nothing that the cover's yellow." The periodical closed down with its fifth issue.

Людмиле Николаевне 17 января 1923 года вручили загранпаспорта и предписание выехать из страны в недельный срок. Но Замятин с отъездом медлил. Он дважды просил отсрочить отбытие до начала навигации, поскольку путь по морю безопаснее для больной туберкулезом жены и дешевле. Резолюция петроградского ГПУ оказалась жесткой: «Должен выехать 6 февраля». Но в тот же день с Лубянки пришло разрешение отложить выезд на 2 месяца. Повторную просьбу об отсрочке ГПУ отклоняет, так как «антисоветская деятельность гражданина Замятина установлена, нельзя быть уверенным в том, что отсрочки выезда из пределов РСФСР не будут им использованы для своей настоящей и подготовки к будущей вредной деятельности». А 16 апреля

Лубянка вновь разрешает отложить выезд до начала сезона судоходства.

Все это время Замятин продолжает работать в издательстве «Всемирная литература». Власть пытается изолировать его от литературного сообщества, требуя исключить «клеветника» из Союза писателей. Но Замятина не только оставляют в организации, но даже вновь переизбирают весной 1923 года в Правление Союза. А получаемые сведения из Москвы все так же противоречивы. «Все... как будто говорит (пока), что придется ехать, — пишет Замятин жене. — Мне все равно. Здесь надоело все, тесно, нужно что-то новое».

8 августа 1924 года дело писателя закрывают: Замятин получает отсрочку на семь лет. На театральных подмостках с успехом идут его пьесы. Вместе

Борис Кустодиев. Эскиз занавеса к спектаклю «Блоха». Бумага, акварель, тушь. 1925–1926 годы.

Boris Kustodiyev. Curtain design for the production of *The Flea*. Watercolour and India ink on paper. 1925–26.

Борис Кустодиев. Плакат к спектаклю «Блоха» Ленинградского Большого драматического театра по рассказу Николая Лескова «Левша». Хромо-литография. 1926 год.

Boris Kustodiyev. Poster for the play *The Flea*, a production by the Large Drama Theatre in Leningrad based on Nikolai Leskov's short story *Levsha*. Chromolithograph. 1926.

The critical year of 1929 had arrived. Sensing the storm clouds gathering above him, Zamiatin wrote, "I don't know, cannot see, what twists my life will take from here on." Soon his plays were banned from the stage and then his works stopped being printed too. In May the *Literaturnaya gazeta* published an epigram by the proletarian writer Alexander Bezymensky which in that year sounded like a political judgement:

*Type – Zamiatin.
Genus – Yeugeny.
Class – bourgeois.
In the countryside – kulak.
The result of degeneration.
Footnote: an enemy.*

Zamiatin was obliged to submit his resignation from the Writers' Union board. Then in the autumn, following the publication of *We* in Russian in Prague without the author's knowledge, he was excluded from the union altogether under pressure from "comrades in Moscow". Arbitrary censorship made not only creative writing, but also editorial and translating work impossible. A year later Zamiatin's very name was

Борис Кустодиев. «Машка — дочь купецкая». Эскиз костюма к спектаклю «Блоха» в Московском художественном театре (втором). Бумага на картоне, акварель, карандаш, тушь. 1924 год.

Boris Kustodiyev. Mashka — a merchant's daughter. Costume design for the production of *The Flea* in the (second) Moscow Arts Theatre. Watercolour, pencil and India ink on paper pasted onto cardboard. 1924.

В 1920-е годы Замятин плодотворно работал. В многочисленных фантастико-аллегорических рассказах, сказках-притчах и драматургических «действиях» период «военного коммунизма» и Гражданской войны изображался как возврат к «пещерному» существованию.

In the 1920s Zamiatin worked productively. His numerous fantastic-allegorical tales, fairy-tale parables and dramatic pieces depicted the Civil War and the period of War Communism as a return to the age of cavemen.

с Тихоновым, Чуковским и Эфросом он издает журнал «Русский современник», в начале 1929-го выпускает собрание сочинений и даже некоторое время возглавляет Ленинградский Союз писателей. Однако уроки власти не пошли правдолюбцу впрок. В официальных кругах «Русский современник» встретили с неодобрением: «Царизмом разит на три версты! Недаром у них обложка желтая». На пятом номере журнал был закрыт.

Предчувствуя сгущавшиеся вокруг него тучи, Замятин пишет: «...не знаю, не вижу, какие кривые в моей жизни дальше». Вскоре запрещают постановку его пьес, а затем его и вовсе перестают печатать. В мае в «Литературной газете» появляется эпиграмма рапповца Александра Безыменского, в тот год звучавшая как политический приговор:

*Тип – Замятин,
Род – Евгений,
Класс – буржуа,
В селе – кулак.
Результат перерождений.
Сноска: враг.*

Замятин был вынужден подать заявление о выходе из Правления Союза писателей. А осенью, после публикации без ведома автора романа «Мы» на русском языке в пражской «Воли России», его и вовсе исключают из Союза под давлением «товарищей из Москвы». Цензурный

производ делает невозможным не только творческую, но и редакторскую, переводческую работу. Через год даже имя Замятина становится запретным, а его книги изымаются из библиотек.

В июне 1931-го литератор пишет знаменитое письмо товарищу Сталину: «...приговоренный к высшей мере наказания – автор настоящего письма – обращается к Вам с просьбой о замене этой меры другою... Для меня, как для писателя, именно смертным приговором является лишение возможности писать, а обстоятельства сложились так, что продолжать свою работу я не могу, потому что никакое творчество немислимо, если приходится работать в атмосфере систематической травли... Если я действительно преступник и заслуживаю кары, то... прошу заменить этот приговор высылкой из пределов СССР... Если же я не преступник, я прошу разрешить мне вместе с женой, временно, хотя бы на один год, выехать за границу – с тем чтобы я мог вернуться назад, как только у нас станет возможно служить в литературе большим идеям без прислуживания маленьким людям, как только у нас хоть отчасти изменится взгляд на роль художника слова».

Замятин покинул «Единое Государство» 15 ноября 1931 года. За Зеленой Стеной был Париж... ■

Живя в Париже, Замятин не отказался от советского гражданства, внимательно следил за жизнью на родине, в эмигрантской печати принципиально не печатался, а свои произведения старался отдавать в «русские руки». В мае 1934 года его заочно приняли в Союз писателей СССР, а в 1935 году он участвовал в работе Антифашистского конгресса в защиту культуры в составе советской делегации.

While living in Paris, Zamiatin did not renounce his Soviet citizenship, followed events in his homeland attentively, did not publish in the émigré press on principle and tried to put his works in “Russian hands”. In May 1934 he was accepted into the Writers’ Union of the USSR in absentia and in 1935 he participated in the Anti-Fascist Congress in Defence of Culture as one of the Soviet delegation.

under a ban and his books were removed from libraries.

In June 1931 the writer composed his famous letter to Comrade Stalin: “...a man condemned to the highest penalty, the author of this letter, turns to you with a request to commute this penalty... For me, as a writer, it is quite simply a death sentence to be deprived of the opportunity to write, but such circumstances have arisen that I cannot continue my work, because any creative work is inconceivable when it has to be done in an atmosphere of persecution increasing from year to year... If I really am a criminal and deserve punishment, then I ask that this sentence be commuted to one of banishment from the USSR... If I am not a criminal, I ask permission to go abroad temporarily with my wife, if only for a year, in order to return just as soon as it becomes possible in this country to serve great ideas in literature without attending upon petty individuals; just as soon as the view of the creative writer here changes even a little.”

Zamiatin left the “Single State” on 15 November 1931. Beyond the Green Wall lay Paris... ■

Юрий Анненков, Евгений Замятин и Михаил Осоргин в эмиграции во Франции. Фотография середины 1930-х годов.

Yury Annenkov, Yevgeny Zamiatin and Mikhail Osorgin in French emigration. Mid-1930s photograph.